

Н.К. Рерих. Курганы при д. Чёрной. 1896.

*) *Около деревни Чёрной есть несколько старинных курганов. (Примеч. Н. Рериха).*

НЕДОБРОЕ МЕСТО

9 Апреля 1893 г.

21 Апреля

- Малец! Дома отец-от?
- В клети.
- Скажи, барин на охоту приехал.

Староста соседней деревни Чёрной давно уже звал меня поохотиться на дупелей и, наконец, представился удобный случай воспользоваться этим приглашением.

- Ну брат, рад не рад, а назвал гостей, так принимай, - встретил старосту Михайло Иваныч, управляющий нашим именем, мой постоянный соратник в деревне.

- Здравствуйте, гости дорогие, пожалуйста, пожалуйста, милости просим на охоту. А только не прикажете ли сперва самоварчик поставить, оно с дороги-то...

- Что, и в самом деле, этак стаканчик, другой? (Михайло Иваныч всегда не равнодушен к такому предложению).

Но я от самоварчика отказался и просил старосту поскорей указать дупелиные места. Как радушный хозяин староста пожалел, почему я не хочу чая, и вызвался сам провести нас к дупелям. Искать дупелей пришлось по покосам около небольшого леска. Была вторая половина Августа; время, когда по лесу всегда краснеют грозди рябины, когда осина уже пожелтела, и там и сям светлым пятном мелькает среди другой листвы, когда трава и лист желтеют, короятся, высыхая, и шуршат друг о друга при порыве ветра, когда ветер свежее

и всё чаще и чаще заволакивает небо дождевыми тучами, когда в лесу появляется особенный свежий аромат, признак наступающей осени. Дупеля уже с неделю почуяли осень и вывалами потянулись на юг, каждое утро в хороших местах можно заставить этих рябеньких долгоносиков.

Нашим собакам Бекасу и Норме представилось широкое поле деятельности; ещё бы, дупеля исходили, истыкали носами все покосы - следы запутались, да кроме того, прошло стадо, и многих дупелей согнало. Следы перекрещивались, собаки фыркали и сбивались, расходились и шли по разным птицам. Но красиво было, когда с разных сторон собаки захватывали долгоносика. Вытянувшись, даже приподняв нос, верхним чутьём выступал Бекас, а с другой стороны, извиваясь змеёй, как тень, бесшумно кралась низом Норма и, наконец, обои собаки по полшагу замирали: Бекас стоит приподняв лапу, вытянув хвост палкой, только морду повернул набок, - Норма съёжилась, легла наземь и глядит туда же.

Обратите как-нибудь внимание на голову собаки во время стойки: глаза застыли, уши немного приподняты и только мускулы носа играют, ноздри так и дрожат; она знает - птица под носом, её лишь не видно, но она непременно тут; на стойке собака волнуется больше охотника, также как охотнику, этот момент доставляет ей высшее наслаждение; из-за этого момента собака радуется, когда её берут на охоту, пробегает в поисках много верст. Охотничья собака любит охоту - это для неё не тяжёлая обязанность, а удовольствие; на охоту она идёт не потому, что боится арапника, а чтобы доставить себе удовольствие.

Впрочем, что ж я заговорился, дупель, того и гляди, вырвется. Любо, как взмоет кометой испуганная птица и, пронзённая дробинкой, бессильно перевернувшись, падает. Странно! Если попросите меня дома заколоть цыпленка - я не соглашусь, а на охоте как-то совсем забываешь, что это тоже убийство, и с радостью съешь ещё трепещущую птицу в сумку. Дупелей было много - выстрелы то и дело щёлкали в сыром воздухе, и сумки понемногу наполнялись. На опушке Норма взяла чей-то след, который завёл нас в лес; в плотном чупыжнике собаки стали, но матёрой косач не допустил; только издали забормотал он, чёрным пятном мелькнув между деревьями. Мих[айло] Иван[ович], осведомился, есть ли тут тетерева, и в поисках за ними мы зашли далеко в чащу. Лес начался старый, хвойный; по-видимому, эти места редко видели тетеревей, так что поиски за ними пришлось оставить и выбираться опять на покосы.

Между стволами впереди посветлело - мы выходили на полянку. Михайло Иваныч предложил вздохнуть немного, и вот мы расположились у излучины речки, прорезывавшей лужайку. Славно в ясный день после долгой ходьбы полежать на траве; в ногах чувствуется лёгкая даже приятная ломота; весь так и уйдёшь в траву, и вставать не хочется. Как-то удаляется от глаз тёмно-синее сочное небо, оттенённое тонким флёром белоснежных перистых облаков, словно прозрачную сеть охвативших одну сторону небосклона; переливами, то приближаясь, то удаляясь, гудит кругом лес - вот будто замолк, но ударит ветерок в гущу чащи - всколыхнутся деревья, понесутся могучие, полные какой-то задушевности аккорды, и через минуту по щекам вашим, лёгкая и нежная, пробежит волна ветра и, спеша, зашумит сзади вас по вершинам.

Чуть злобно шевелит лапами ёлка, приветливо, точно улыбаясь, зашелестит берёза, вздрагивает, звонко залепечет стыдливым румянцем зардевшая-

ся осина, бережно дальше передаёт ветерок сосна. Под порывами ветра дрожат длинные стебли травинки, одна трясушка свесилась и своим шелковистым кончиком щекочет лоб, какой-то жучок карабкается по траве, под самым ухом стрекочет кузнечик, качаясь на ветке, чирикает завирушка и сверху удивлённо поглядывает сарыч, как распластанный, повиснув на широких крыльях в поднебесье; радушно теплом пышет из чаши.

Чего только нет в лесном воздухе! То хвоей пахнет, то донесётся болиголова, то опавшими листьями потянет, вот будто заря слышна, точно <кошка>, словно осокой повеяло, чёрт его знает, этот лесной аромат, сколько ни дыши им, а всё мало, всё ещё глубже тянут его лёгкие – никогда им не надышишься!

Ух, хорошо! Думать не хочется; первый предмет привлекает ваше внимание, вы заметили ракитник над рекой и смотрите за изгибами ствола, вас занимает королёк, притаившийся на сучке над самой водой, вы следите за станицей каких-то птиц, далеко углом растянувшихся по небу... Глядя на спокойную жизнь природы веселее смотрите на жизнь, да разве же среди этой общей радости и веселья может быть что-нибудь грустное? ...

- А тут место недоброе, - прерывает молчание староста.

- Почему же?

- Потому, значит, совсем нехорошее место.

- Чем же нехорошее-то?

Вместо ответа староста полез за табаком и начал особенно тщательно свёртывать себе "цигарку". Вообще, мужик, когда знает какую-нибудь новость, старается подольше удержать за собой это преимущество, он и закурит, и затылок почешет, и кашлянет, и высморкается, словом, старается довести слушателя до высшей степени нетерпения.

- Так чем же нехорошее тут место? Чёрт!

Староста увидал, что любопытство слушателей возросло до крайних размеров и начал, предварительно сплюнув и расправив бороду.

- Недоброе тут место, потому что в Тимохиной ниве от нас, с версту недалече от Серебряного рúчья, человек анагдась сгиб, - и староста опять замолк, желая ещё помучить слушателей.

Как странно среди солнечного блеска, среди весёлого чириканья птичек, среди радужного шелеста леса слышать, что недалеко отсюда погибал человек; невольно приходит в голову, неужели и в эту самую минуту кто-нибудь может мучиться перед смертью. Экой я, какой! Мне вот тут хорошо и весело, так и представить себе не могу, как это в то же время кому-нибудь грустно может быть.

- Как же вы <...> этого <окар'я>? - любопытствует Мих[айло] Иван[ыч].

- Да вот как. Слыхали, может, вы Акинфия Прохорова писаря? При здешнем волостном жил. Старик уж, ещё ногу всё приволакивал, царство ему небесное! Упокой, Господи, его душу! Сказывают, она отнявшись у него была. Жил, это, он себе помаленьку, прошеньце ли, просьбицу ли написать, а не то просто за советом, все к Прохорычу ходили. Да и то, правду сказать, никто во всей волости никогда так ловко не придумает, как покойник, Царство ему небесное. Только как волостной-то сменился, новый-то Силищенской-то, и начал теснить Прохорыча-то, чуть не в батраки себе забрал. Ну а покойнику, известно было, человек старый, и не вмоготу такое угодить Селищенскому-то. Заскучал он, нога у него хуже ходить стала, всё уже с костыльком ходил, говорили, даже зашибать начал. Словом, совсем худая жизнь ему стала.

Вот это раз, в Воскресенье, суд-то как кончился, ещё тогда, как сейчас помню, Петрушку Алёхина пороли, такой, знаете, лукавый мужичонка. Поймали на деле, жито ссыпал у соседа, Афанасия Барышникова, а не сознаётся. Вот как уже стали ему всыпать, всё молчал, а тут кричит: «Братцы, да я не нарочно», - такой плут мужик, прости Господи. Это, Прохорыч пошёл домой, переделся, сказывают, и исподнее всё чистое надел, говорит хозяину: "Пойду пройтись в лес", - день такой ясный выдался, а дело в Июне было. Хозяин было начал: «Что, мол, куда пойдёшь с больной ногой» - а он и слышать не хочет: «Пойду подышу воздухом, хоть с глаз волостного уйду, всё ко мне привязывается». - И пошёл себе, с костыльком потихоньку.

Хозяин-то думает: «Пускай себе пошёл старик, хоть отдохнёт, а то жизнь-то ему и правду, не сладкая». Вот пойти он пошёл, да больше и не вернулся.

Ну, хозяин-от, вечер, побёг к волостному, что, мол, не у него ли Прохорыч сидит, говорит: «Не у вас ли мой постоялец?» - А волостной-то как прикрикнет: «Кой чёрт мне до него, я почём знаю, нализался, должно быть - дрыхнет в канаве; небось, завтра явится, что ему сделается».

Хозяин пождал - пождал, ну известно дело, мёртвого не дождёшь, на другой день и повестил сход, что, мол, Прохорыч пропал. Думали, думали, надоть искать, всё ж таки свой, а идти ему, окромя казённого леса, некуда, потому девки, что на мосту пели, видели повернул он куда. Бросились, это, мы к лесничему; тот, дай Бог ему благополучия, помог нам: отрядил и лесников, и околдчиков, даже объезчиков послал.

Вот искали, мы уж искали, весь лес исходили, этак дней 6, если не больше, да разве найдёшь тут, прости Ты Господи, коли Бог не судил; да так и бросили, мол, воля Божья. Ну, только хозяин-то всё успокоиться не может, уж больно жалко его - человека-то покойника, упокой Господи его душу - хороший был; и надумал он сходить к шептуну - в Запольях живёт.

Знамо дело, добрый шептун; по воде, аль по чему другому, всё как на ладони расскажет; пропадёт ли конь - навозу потребует, смотрит на навоз, а сам всё говорит тихо так и хорошо, и человек-то сам хороший - нечистого никогда не вспоминает, а всё Божье толкует; начинает ли что, сейчас стихарь запоёт, или что другое Божественное. И тут тоже, спросил он потенное исподнее Прохорыча-то, посмотрел, поворчал и говорит: «Вода течёт, Акинфий лежит, камень стоит, он под ним лежит, и место это я хорошо знаю, да только людям его найти не положено, его найдут *животные*».

Так больше ничего и не сказал, а уже потом мы поняли, что про воду-то - это он про Серебр'яный ручей говорил. Так дело и кончилось.

[Прохорыч нашёлся]

- Только, это, этак уже скоро месяц на исходе, бежит ко мне малец...

- Ну, у тебя и конца не будет, ну пропал, так пропал, ведь не воскреснет же опять? Пойдёмте-ка по дупеля, вон собака, так и вертится - соскучился Мих[айло] Иван[ыч].

- Ну, коли интересно, - слушайте, а я пойду немного кругом пошарю, авось что навернётся. Я скоро вернусь. Бекас, Вперёд! Норма, иси (но Норма без меня не шла). Нормочка, [коме, иси!] Ну, вперёд, дура, иси, иси - сюда, ну, чёрт с тобой, не хочешь, как хочешь! - и скрылся за кустами.

- Вот Михайло Иваныч, смех да смех, а чего тут до смеха! - ну вот, бежит, это, ко мне малец, гляжу, аж лесничего к себе требует, ну, думаю, должно [быть], в лесу нашкодили; пошёл к нему вместе с мальцем, а он дорогой и го-

ворит: "Левонтий, Прохорыча нашли», - я ему и кричу: "Беги назад на деревню, повести по домам, а я и сам до лесничего доберусь". - Иду и сам ругаюсь, зачем я у мальчика не поспрошал, как Прохорыча-то нашли, где, думаю, это всё время пропал, неужто где зачумел от горя! Пришёл к лесничему, а уж там и урядник, и пристав, и сотские.

Взяли понятых и меня тоже, и пошли; прямо это, с дороги по квартальному просеку промежду 8-ым и 9-ым кварталом, это знаете, если ехать от Сосницы, так по леву руку с дороги, не так, чтобы далече от липавочки, что у Гладкой нивы, ещё тут чепуха, к самой дороге подходит и альпина у канавы сухойстойная. Ну, вот идём мы, а я и спрашиваю у Володки Сотского из Леможи, рыженький такой, тоже подъехал мужик, так вот я, и спрашиваю: «Куда ж это ты идешь?», - он и говорит: «К Акинфию Прохорову, следствие править, на казённой земле, слышь, мёртвое тело оказалось: «Да ну? Что ж такое? Да всё того же Прохорова.

- Какого Прохорова, Прохорыча-то?

- Ну как там вы зовёте, его самого".

Так меня словно кто под коленки мазанул. Господи, думаю, что ж это такое? Ну, говорю, говори, как так? Вот он и рассказал мне. Пастух лесниченской-то всё гонялся по Гладкой ниве, а тут точно толкнул его кто погнаться к Серебр'яному ручью. Ну, погнался тут; сидит себе под деревом у ручья-то и только слышит. одна корова в стороне ревьёт что-то, он встал было; глядит, и другие коровы туда подрали. Он за ними, да куда - не поспеть, так и скачут.

Ну, прибыл, это, он на рёв - видит, стоят коровы круг чего-то и ревут и ревут - лбы в землю устави́ли, а дух-то кругом трудный такой. Побёг он, глянул, а там Прохорыч лежит, вот он сейчас коров отгонять - нейдут, ну, бросил их, да за лесничим, всех на ноги поднял. Прибёг, сказывали, белый, белый и говорить чуть может. Меня это так и вдарило, нашли-то его не люди, а коровки, животные, значит. Ну, вот, это, пришли мы, самое, на место следствие наводить, а покойника-то и смотреть страшно, ну, известно дело, человек старый, дряблый, а время летнее, жаркое.

Вот лежит он на <лишажке>, а кругом всё, видно, издёргано, все кустики обломлены и обглоданы, вот лежит, а сам и руки на груди с крестиком зажал, медненький такой - и гайтанчик к нему привязан - с шеи, видно, снял, а другою рукою рубаху сгрёб в кулак, да так крепко - не вынуть, а над ним всякие оводы и комары, слепни так и гудят.

Фертел потом мне сказывал, что у него, должно, кода шёл, нога больная-то отнялась, верно, с неприятностей; ну идти больше и не мог, так с голоду и помер, недаром вишь кругом всё изгрыз. Так написали следствие и схоронили Прохорыча, упокой Господи его душу, настрадался бедняга, этакие мученья перенести, с голоду гибнуть, да ещё комары проклятики на лишавах-то одолевают даже и здорового человека, а чего уж тут, больному-то. Прямо и гроб в лес свезли там и положили. Как, это, начали рогожу-то подкладывать, чтобы поднять, чуть голова не отвалилась, и такой дух пошёл, что и в церковь внести нельзя было, над могилой и отпели.

Хороший был человек, грех, на него сказать. Царство ему небесное, упокой Господи его душу, ведь этак не покаившись, не приобщившись, этак, среди мурашей!

Вот в деревне мать Егора Савинкова, мне сватом приходится и посе́йчас всё говорит старуха, что Бог за то ему такую кончину послал, что он жизнью

доволен не был, всё роптал, Бог ему испытанье послал, а покойник-то не хотел перенести. Царство ему Небесное. Помяни, Господи, душу усопшего раба твоего, Акинфия, и зашептал староста и, сняв шапку, перекрестился.

Несколько минут мы молчали. А в чаще где-то хохотала <желна>, иволга почуяла вечер и посвистывала на берёзе. По-прежнему плескала река, по-прежнему шумел, переливаясь, лес.

- А ведь как это Силантий, шептун-от, узнал, что твари найдут?

- Просто случай.

- Нет, какой тут случай, вот тоже на Волковьянке, что сгорела-то, уж лет 20 назад...

- Бекас, назад, а каналец поискал, да нет ничего, ну найдём, ещё найдём, - вылез Мих[айло] Иван[ыч], из кустов. - Ну, айда, напроклаждались, небось, вдоль; пойдём ещё на покосы, с дупелями поквитаться, а то тут в лесу, того - (и Мих. Ив. дунул на ладонь).

Ещё несколько дупелей попало в сумку, прежде чем мы решили ехать домой. Опять староста упрашивал чайку с устатку испить, но я и тут не согласился, и скоро мы с грохотом выезжали за околицу.

Солнце уже скрылось за лесом; мрачной и тёмной казалась земля против чистого, ясного неба. Лошадь вздрогнула - стояя ворон, расположившихся на ночлег, с криком слетела с сосен, что одиноко среди поля стояли на могильных курганах! *) И это место, теперь весёлое, тоже видело на своём веку грустные картины.

Где-то ржали лошади, как-то, должно быть, подгулявший фабричный, пробираясь в деревню во всё горло тянул: «Что мне жить, да тужить».

22 Апреля

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/87, лл. 12; 13; 14; 11; 10

[План-набросок к рассказу «Недоброе место»]

НА ДУПЕЛЕЙ

- Сидор! Сидор! Животин. Дрыхнешь? Провалились все? Дьяволы! - Стучал в окно Мих. Ив., когда мы приехали в соседнюю деревню Чёрную [н]а дупелей.

- Ей, малец, отец дома?

- В клети.

- Скажи, что барин на охоту приехал.

Староста, в высоких сапогах и чуйке. Рыжеватый, глаза маленькие - заплывшие - смеющиеся, хитрый.

Охота. Около молодого перелеска. Осень. О лесе осенью.

Охота и зашли в лес. Полянка, речка по камням. Хвойный лес. Солнце, жёлтое небо.

Птицы. Отдыхаем, высокое чистое небо, словно поднимается всё выше.

- А ведь знаете, барин, здесь место-то страшное.

Рассказ старосты. Писарь старик зашёл в лес - паралич, и умер, изъеденный оводами. Искали - не нашли. Обратились к местному колдуну.

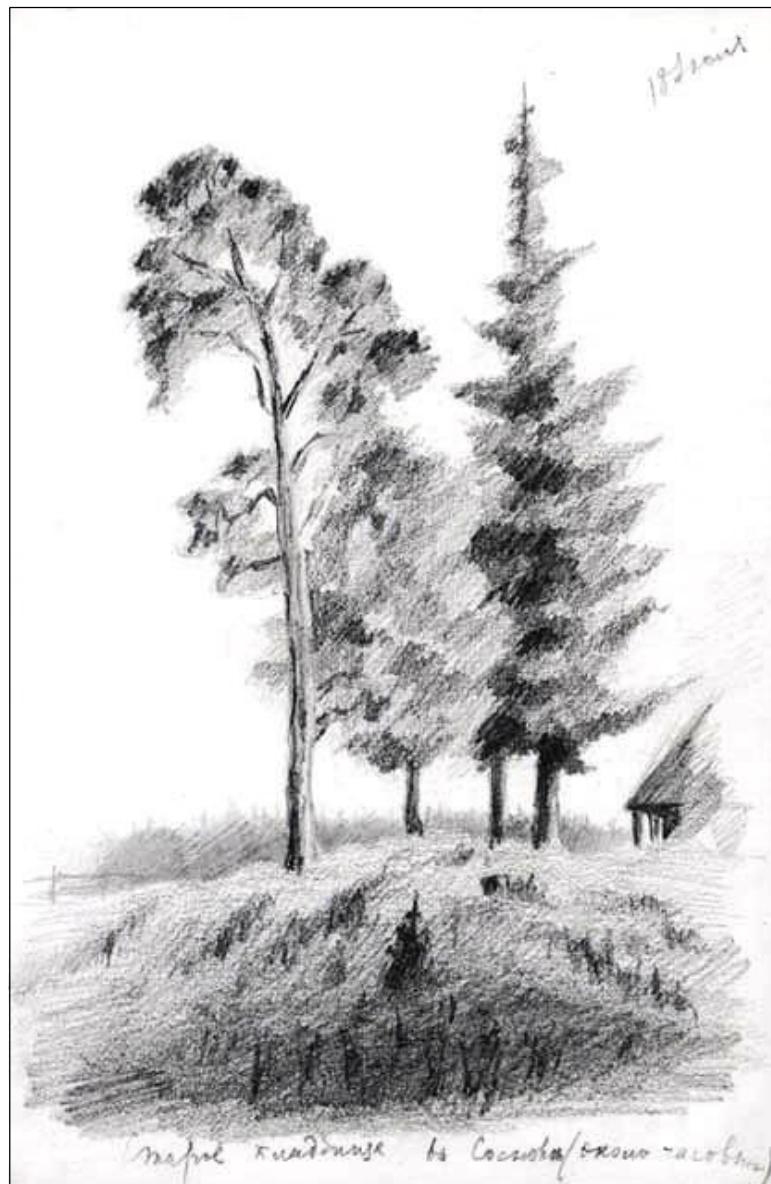
«Даром ищите – всё равно не найдёте. Найдут животные». Правда – нашли коровы. Уже весь разложился. Еле схоронили.

Грустное настроение. Мих. Ив. сердится на грустный рассказ. Идём опять к полю на дупелей, в лесу тетеревей не нашли; охота на дупелей.

Домой.

На дупелей. 21/1 93 .

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/48, л. 31.

Н.К. Рерих. Старое кладбище в Соснове (около часовни). 18 июля.

[Апрель 1893 г.]

Письмо Николая Рериха к Скалону Александру.

Дорогой Саша. У меня, вообрази, хорошие отношения с Боговским. Я за 3 дня был страшно нездоров: воспалилась слепая кишка, и теперь ещё еле хожу. У нас с Боговским целый проект устроить по окончании гимназии охотничье общество, заарендовать земли в деревнях около нашей Извары в количестве 1151 дес.

Я рассчитывал, что всего годовая аренда 35 рублей, и если, как мы хотим в начале 5 членов, то на человека по 7 рублей. В числе членов проектировали меня, Боговского, Тебя, Твоего брата и Песоцкого, а потом можно и расширить деятельность. Что на это скажешь? Ответь. К Тебе зайти теперь не могу:

1). Дела много. 2). Много ходить нельзя.

Вот такие-то дела Твои, Господи

Твой...

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/94, 1 л.

Н.К. Рерих. Ключи в Изваре. 1893.

Н.К. Рерих. На Озертицкие озёра с курганов. 1893.

29 Апреля 1893 года

ВОТ ТУДА ПОСТОЯННО МАНИТ

1. Не хотел бы я жить средь пыли городской,
Тут всегда до меня доходит
Вечный ропот тревоги людской
И заботы с собой приносит.

Но туда, где луч солнца в зелёных полях
В полуденную пору
Полудённой порою скользит
Где гигант старый лес смотрит в лоно небес
Вот туда постоянно манит.

Там в чащё вековой, на цветущих кустах
Заливается пташка, поёт.
Там родная река вся в густых тростниках
светлые воды
Свои быстрые волны несёт.

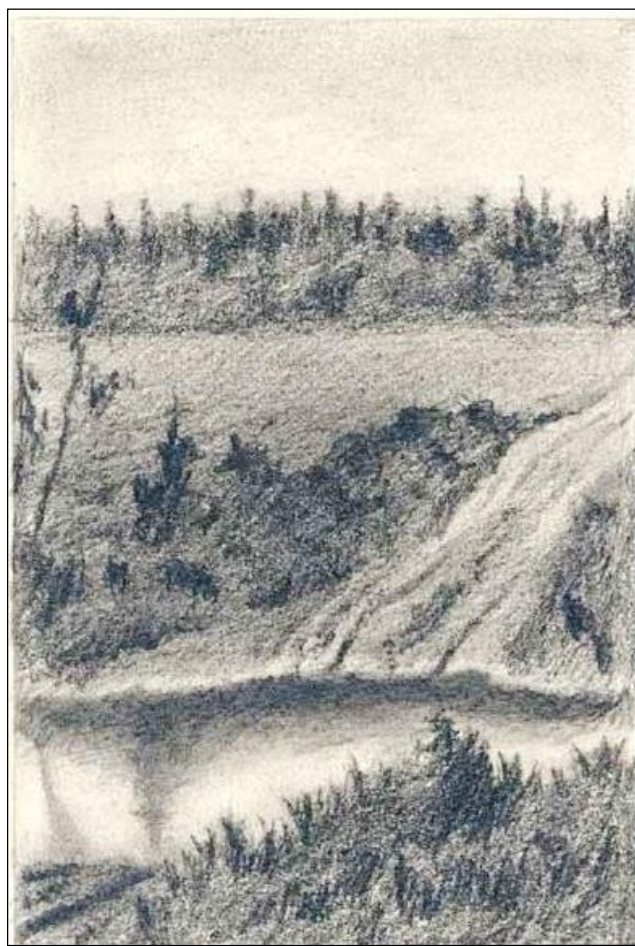
4. Ни заботы, ни горя, ни плача там нет
Зависть, месть и корысть – далеко.
Глубже тянет в себя там волну ветерка
И всегда на душе там легко.

5. Пусть же там мой курган – снеговой ураган
Белым саваном весь обовьёт.
И на место плиты, полевые цветы
На могилу весна пусть пришлёт.
6. Там мне лучше лежать средь равнины родной
Не под тяжкой плитой – под землёю сырой
Там не слышно людей ширь и <ви...> кругом
Мир, любовь и согласие там видны на всём.
-

XXX. Думка

Завтра 1 Мая Русский экзамен

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/38. Л. 11.

Н.К. Рерих. Брод по дороге в Селище. 1893.